

него нет русской литературы», и затем заключает: «Оба — талантливые представители русского народа, русской культуры» (д. «Письма», без номера, ед. хр. 5).

Разнообразные обсуждения, новые сведения, известия о замыслах можно найти во многих письмах, которые, я считаю, нужно выделить в отдельный раздел научного наследия Ивана Алексеевича Дергачева.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Еще много из того, что оставил в виде архивных материалов Иван Алексеевич Дергачев, не опубликовано. Но до тех пор, пока перспективы в изучении творчества Мамина-Сибиряка, Решетникова и других писателей Урала, будут иметь место, архивные материалы ученого будут представлять ценность для современных исследователей. Очень бы хотелось, чтобы материалы, собранные в архиве Ивана Алексеевича Дергачева, стали достоянием филологической науки.

Е. С. Зашихин

г. Екатеринбург

«Важен угол зрения на мир...»

А. С. Субботин и жанровый подход

Заведующий кафедрой советской литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького Александр Сергеевич Субботин во всем ценил точность.

Это касалось прежде всего словоупотребления: он буквально вспыхивал, углядев в иной публикации обороты, обычно именуемые им заемной фразой «весьма какие-то» (источник этой явно обрываемой цитаты не оглашался, но звучало убийственно). Это относилось также и к его жестким — по оценочной сути — критическим суждениям (взглянет на обложку очередного сборника плодового местного пиита и резанет: «Лирика-с»). Ну и, конечно же, имело прямое отношение к будничной, скажем так, аккуратности — тому же приходу сотрудников на службу вовремя или корректности цитирования (цитаты он в рецензируемых им научных работах обычно перепроверял).

Впрочем, кафедра советской литературы, которую он принял в 1973 г. и где проработал до самой смерти в марте 1991-го, была и по ее стажу на факультете, и по возрасту работающих относительно молодая, оттого его собственная зрелая — не по годам ранняя (что выяснилось, как водится, не сразу: почувствовалось по мере взросления многих «кафедральных» уже *без него*) — основательность в чем-то придавала прочим ее членам некую стратегическую устойчивость, что крайне существенно для работников высшей школы. Ну а те, кому помогла-таки его дотошная вычитка, попросту отшучивались: мол, у летчиков подобное принято, чтобы ас выручал аса (один *ас* — сам А. С., а остальные *асы* — от сокращенного написания слов «аспирант» или «ассистент»). И даже те, кто опаздывал на заседания, ничем особо не рисковали — стоило лишь, вбегая в кабинет, торжествующе манифестировать: надо же, успел.

Он, вообще-то, был не самый строгий завкафедрой.

При этом среди факультетских коллег и студентов сосредоточенный Александр Сергеевич имел репутацию педанта: или потому, что, пробыв семь лет — с 1967-го по 1974-й — деканом, оставался в памяти филологов демиургом учебного процесса, или по своему явному равнодушию к системному подходу во всем. В результате те, кто краем уха слышал, что в молодости Субботин вроде как преподавал в школе математику, даже *понимающе* кивали...

* * *

А про фирменную субботинскую основательность я вспомнил лишь в связи с тем, что, когда сунулся было в библиографические указатели [2, с. 253–257] и университетские справочники [6, с. 372–373], сразу же встретил в информации о ранних годах Субботина определенную неразбериху.

Начну с того, что никакой Пермской области к моменту его рождения — 29 декабря 1923 г. — не существовало. Его родной Завод Пашия (в топониме отражено «градообразующее» предприятие поселка — Архангело-Пашийский чугуноплавильный завод) вошел в состав Пермского округа только-только образованной — 3 ноября — Уральской области.

Проучившись два курса в Лысьвенском механико-металлургическом техникуме, Саша Субботин был вынужден бросить учебу: он лишился отца, так что пришлось снова идти в школу — теперь уже учителем, преподавать арифметику.

В 1943-м призвали в Красную армию, но не на фронт, а на оборонный завод, где он работал слесарем и «вырос» до нормировщика.

Про этот период своей жизни он особо распространяться не любил — на то ведь это и было *режимное предприятие*, чтобы научить строгой дисциплине. И при всей остроте своего аналитического ума А. С. Субботин и впоследствии не был человеком протестного поведения. В частности, в годы, когда хрущевская *оттепель*, прельстившая людей его поколения *глотком свободы*, обернулась брежневским *застоем*, никогда особо не лез на рожон, оставаясь оппозиционным внутренне, наедине с собой и своим умением свободно интерпретировать тексты.

Пускаясь в мемуаристику, вспомню, как у Александра Сергеевича проходила в журнале «Урал» (я в те годы возглавлял там отдел критики) статья «Маяковский и Ахматова». Там, среди прочего, был и комментарий ахматовской «Поэмы без героя», где мне показалось совсем уж странным никак не упомянуть Николая Гумилева, коль скоро в этой «петербургской повести» одна из частей триптиха прямо называется «1913 год», т. е. год свадьбы Николая Степановича и Анны Андреевны. О чем я и высказал свое редакторское *пожелание* Субботину в процессе подготовки работы в печать. Только вот непосредственный цензор журнала Петр Харитонович Швец был иного мнения о расстрелянном в 1921 г. поэте... Началась малоприятная история со снятием материала, отчего Александр Сергеевич очень переживал, неловко перед ним было и мне, выступившему в роли «провокатора». А статья, без единой обмолвки про Гумилева, естественно, вышла в мартовской книжке «Урала» за 1983-й [4, с. 177–184].

Однако вернемся к годам Великой Отечественной, ведь как раз тогда, согласно постановлению Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г., в тыловых городах и поселках учреждалась сеть общеобразовательных школ для желающих в военное время без отрыва от работы продолжать свое образование. В апреле 1944 г. их стали называть «школами рабочей молодежи».

Обучение в подобной ШРМ Субботин завершит в 1946 г. с золотой медалью и поступит в Уральский университет, диплом об окончании которого получит в июне 1955 г. Шесть последующих лет он проработает в школах Свердловска — преподавателем русского языка и литературы, завучем, директором школы № 86 в Чкаловском районе.

С начала 1961/62 учебного года (такова уж преподавательская судьба — жить «допетровским» календарем, начинаемым первого сентября!) и до последних дней жизни биография А. С. Субботина была связана с Уральским университетом.

В некрологе, названном «Слово об учителе», субботинский дипломник и аспирант, а потом коллега и «сменщик» на посту руководителя кафедры профессор Л. П. Быков, с оглядкой на четверть века, прожитые «в орбите» Александра Сергеевича, очень справедливо выскажет то, что мог бы, наверное, сказать каждый из его коллег: «У него можно было и хотелось учиться. Учиться отношению к делу и отношению к тому реальному историческому времени, которое отпущено каждому на жизнь. Он умел работать».

* * *

Основные публикации А. С. Субботина связаны с изучением творчества В. В. Маяковского. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1981-м — докторскую, где впервые в литературоведении дано обоснованное системно-жанровое представление о творчестве этого поэта.

В диссертационной работе, затем и в монографии, вышедшей в столице (что по тем временам для ученого из провинции было событием уникальным), он постулировал важный для себя подход: «Жанр... не самодовлеющая величина, не сторонний канон или образец, это прежде всего внутренняя мера, типичный для Маяковского вид поэтической условности, узнав который, можно лучше понять, усвоить, оценить пафос и непреходящее значение, идейно-эстетическую и художественную ценность его наследия» [5, с. 5]. В процитированном определении важно особо подчеркнуть слово «пафос» — не в пример другим современным ему исследователям А. С. Субботин часто обращался к этой категории поэтики, понимая ее традиционно: как соответствующее стилю или способу выражения чувств определенное воодушевление или, как он нередко говорил на лекциях, «окрыленность идеалом». «Типовая характеристика идейно-эстетического идеала и творческих принципов» [Там же, с. 11], т. е. созвучие художественного метода и пафоса в произведениях того или иного автора, как считал ученый, крайне существенны для оценки «поэтического мира» (целостной системы).

Интересно и другое, то, что для А. С. Субботина Маяковский всякий раз становился отправной точкой, откуда начинался его анализ других поэтов. Порою это выглядело не вполне логично. Так, в его статье «Два лирика», опубликованной в авторитетном сборнике «В мире Есенина», подзаголовок названия несколько «нарушал» общую *иерархическую* тональность книги: «Маяковский и Есенин» [1, с. 457–475]. Не наоборот!

Показательно, что и последняя, вышедшая после смерти автора литературоведческая статья «Суд несправедный...», полемичная в отношении громко в ту пору прозвучавшей книги Юрия Карабчиевского «Воскресение Маяковского», была тоже о любимом им поэте.

Маяковского он не просто любил — знал многое наизусть, неустанно исследовал. И всемерно его популяризировал, например, издав 200-тысячным тиражом в Москве («Молодая гвардия», 1977) сборник «Громада любовь», где составленные им подборки стихов стихотворца-новатора перемежались его исследовательскими очерками (вскоре книга была переиздана — и в Москве, и в Челябинске)¹.

Еще студентом он начнет выступать в печати в качестве литературного критика: писал рецензии и обзорные статьи о современной ему поэзии Урала, интерпретируемой в контексте развития всей отечественной поэзии и дорогое для исследователя жанровом аспекте, анализировал текущие журнальные новинки прозы. Он — автор литературно-критических портретов Бориса Марьева, Эмили Бояршиновой, Льва Сорокина. Был отмечен премиями журнала «Урал» за лучшую критическую публикацию года. В 1980-м Субботин вступит в Союз писателей СССР как критик и литературовед.

Плюс к этому была преподавательская нагрузка на кафедре советской литературы (она после его смерти дважды сменит свое название, что неудивительно в наше неустоявшееся время). У него были лекционные курсы по тому периоду, который сейчас называют Серебряным веком, по истории литературы 20-х гг. XX в. и спецкурсы, где Александр Сергеевич вел стержневые для кафедры научные темы «Поэтика и стилистика советской литературы 1920–1930-х годов» и «Жанровая система Маяковского и жанры поэзии 20-х годов». За цикл работ о советской поэзии в 1981 г. А. С. Субботин был отмечен премией Уральского университета (номинация «Лучшая научная работа»).

* * *

Александр Сергеевич много и плодотворно работал. Хотя задним числом вспоминаются его застольные сетования на то, как нелегко ему пишется.

---

¹ Не без гордости замечу, что мне тогда удалось откликнуться на первый выпуск этой книги рецензией в журнале «Смена» — издании с тиражом 1 150 тыс. экземпляров. См.: *Зашихин Евгений. Сердце настежь // Смена. 1979. № 2. С. 13.*

Только сегодня видишь в давних его словах о трудности научно-исследовательской работы определенное несоответствие. Ведь масштаб сделанного А. С. Субботиным очевиден — основные его литературоведческие труды (О поэзии и поэтике. Свердловск, 1979; Горизонты поэзии. Свердловск, 1984; Маяковский сквозь призму жанра. М., 1986) давно занимают почетное место на книжных полках исследователей, и уже выкристаллизовались творческие идеи, брошенные им в «землю» научных разработок учеников и возглавляемой им кафедры. Так что в словах тех видишь нечто ритуальное, типа знаменитого приветствия Серапионовых братьев: «Здравствуй, брат, писать очень трудно!»

А может быть, в основе парадоксального утверждения самооценка затратности работы: добиваться при внешней простоте изложения аналитической глубины и впрямь трудно.

Или дело в том, что он всегда писал смыслами, ценил выписки с концентрированным смыслом прочитанного. Мы все, кому посчастливилось находиться тогда рядом с ним, в этом вопросе имели фартовую возможность быть допущенными в его «творческую лабораторию». Обстоятельствами обреченный жить в «квартирках» (*однушка* на Фурманова, *двушка* на Мамина-Сибиряка), Субботин был вынужден время от времени освобождаться от своих книг — вот тогда-то приглашались ученики — младшие во возрасту коллеги, аспиранты, курсовики-дипломники. И после обязательного ужина на кухне «у Люси» (Людмилы Анатольевны) тебе вручались на выбор подборки «отработанного материала». И мы уносили с собой прочитанные им книги, старательно вчитываясь после в сделанные Мастером маргиналии и почеркушки, вглядываясь, где поставлены им восклицательные или вопросительные знаки, либо любимые им волнистые линии «пообочь» невразумительности текста...

А читал он, повторяюсь, много: и для научно-преподавательской работы, и для *побочного* заработка (впрочем, текучка литературно-критической деятельности и рецензирования была в те годы тесно связана с вузовской практикой).

Читал и для отдыха: предпочитал детективы, которые в нашем *там* университете передавались в порядке живой очереди. Причем читал «криминальное чтиво» он своеобразно — не скрывая отстраненности, т. е. никогда не комментировал содержания, никому ничего не советовал, однако был крайне суров к соблюдению графика чтения. Помню, даже упрекал заведующую нашим — кафедры советской литературы — кабинетом Н. Н. Маркович, когда Нина Николаевна доверила на выходные только что появившийся в одном из толстых журналов перевод Джеймса

Хедли Чейза какому-то потенциальному нарушителю очередности передачи книг.

Впрочем, про рецензирование следует уточнить, что *повинность* эту, налагаемую на сотрудников кафедры редакциями свердловских газет и журналов, а также «Урала» и Средне-Уральского книжного издательства, Александр Сергеевич любил не особенно. Ему всегда казалось, что временные затраты на краткий отзыв о книге или на написание статьи не отличаются в принципе. Хотя *прагматически* использовал свое чтение всех без исключения местных литературных новинок для сбора материала — копил свидетельства «закономерностей». Ценил, что в ходе такого чтения (когда из привлечения разных и многих рождается общее, объединяющее) возникает ощущение баланса между его собственными читательскими впечатлениями и изменчивой практикой литературного процесса (особенно заметной на уровне авторов «второго» и «третьего» порядка — с точки зрения масштаба творческой личности) — относил его к самосознанию словесности, необходимой для ее *правильного* развития. Отсюда его выходы на проблемные статьи, обзоры, где фиксировалось бы проявление каких-либо тенденций.

Принципиально боролся А. С. Субботин на многочисленных в тот период диспутах и круглых столах за *верные критерии* оценки, подразумевая под ними не столько даже востребованную тогда идеологическую ясность писательского мироощущения, сколько внятность «объективно-субъективных, интимно-заинтересованных» подходов, ведь в жанровом обличье текста он видел отражение авторского угла зрения на мир.

Да-да, он был жестко последователен в своих литературоведческих подходах, но при этом — отнюдь не докторален, а доказателен. В его научной серьезности всегда было обаяние непосредственности впечатления.

* * *

В поисках закономерности развития той или иной творческой индивидуальности А. С. Субботин предпочитал путь целостного анализа. Подобный подход позволял исследователю сближать «непохожих» авторов, реконструировать «недописанное», по-новому интерпретировать традиционное.

Позволю себе пару примеров.

Вот — о «неразлучниках» Маяковском и Есенине (у Александра Сергеевича и в лекционных курсах поэты обычно *проживали* попарно: Борис Пастернак и Осип Мандельштам, Александр Жаров и Иосиф Уткин):

«Отношение к поэзии как проявлению жизни, ее творческой функции чрезвычайно существенно в эстетике Маяковского. Можно было бы привести десятки высказываний по этому поводу — от ранних манифестов (“Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства”) до выношенного, итогового лирического вывода в стихотворении “Юбилейное” (“Обожаю всяческую жизнь!”) и прощального дружески уважительного обращения (“Товарищ жизнь!”) в “Во весь голос!”.

Есенин, как известно, гораздо реже выступал с программно-творческими декларациями, поэтому *его исходные эстетические установки можно восстановить* лишь частично, главным образом — *по их практической реализации в стихах и поэмах* (курсив мой. — Е. З.)» [1, с. 459].

Схожим способом литературовед, к слову сказать, «реконструировал» (по напечатанным отрывкам, контексту творчества, отзывам современной автору критики etc.) свои эстетические ожидания от произведений, которые в силу идеологических причин еще не были тогда опубликованы. И трудно вспомнить более азартного, нежели Субботин, читателя возвращаемой в период гласности литературы: для него новая публикация из «небытия» спецхранов становилась своеобразным *пазлом* в его собственной масштабной литературной мозаике...

И еще один пример, но не выписка, а пересказ. Александр Сергеевич очень неожиданно прочитал «темную» строфу из есенинского «Черного человека»:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

Не стану приводить его аргументы, скажу только об итоговом выводе интерпретации. Главное там — в ударении на первом слоге в слове «но́ги». Тогда-то явственно видна «нечистая сила» (та самая, что у любимого есенинского писателя Гоголя панночкой-ведьмой ездила верхом на Хоме Бруте), *оседлавшая* героя «Черного человека» («поэмой сопротивления» назвал это произведение Субботин) [3, с. 177–191].

При этом Александр Сергеевич, опять пускаюсь в мемуарность, сам автор многих новаторских прочтений классических текстов с устоявшимися, казалось бы, параметрами толкования, не любил совсем уж оригинальной непредсказуемости иных интерпретаций. Видел в этом своеволие, *ячество* (слово *самопиар* тогда еще не было в ходу) и даже «отрыв» от исторической конкретики. Нет, он не манифестировал в своих

публикация пресловутого *историзма*, требованиями соблюдения которого тогда попросту присягали идеологическому режиму. Он просто во главу угла своей работы ставил прежде всего литературный объект, а не себя в контексте материала исследования. Оттого и предпочитал безличные конструкции в подаче собственных научных результатов, считал, что *всё* должно вытекать из логики анализа и приведенных фрагментов текста.

Отсюда — самодостаточность научных трудов Александра Сергеевича Субботина. Отсюда и присутствие его литературоведческих разысканий в сегодняшнем филологическом обиходе. И не только на Урале.

Отсюда и наша память о преподавателе, научном руководителе. Учителе.

---

1. В мире Есенина : сб. ст. / сост. А. А. Михайлов и С. С. Лесневский. М., 1986.

2. Писатели Среднего Урала : биобиблиогр. указатель / сост. Л. И. Зыкова. Свердловск, 1986.

3. Субботин А. С. О пафосе и поэтике «Черного человека» Есенина // Субботин А. С. О поэзии и поэтике. Свердловск, 1979. С. 177–191.

4. Субботин А. С. Маяковский и Ахматова // Урал. 1983. № 3. С. 177–184.

5. Субботин А. С. Маяковский сквозь призму жанра : моногр. М., 1986.

6. Уральский государственный университет в биографиях / сост. В. А. Мазур. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2010.